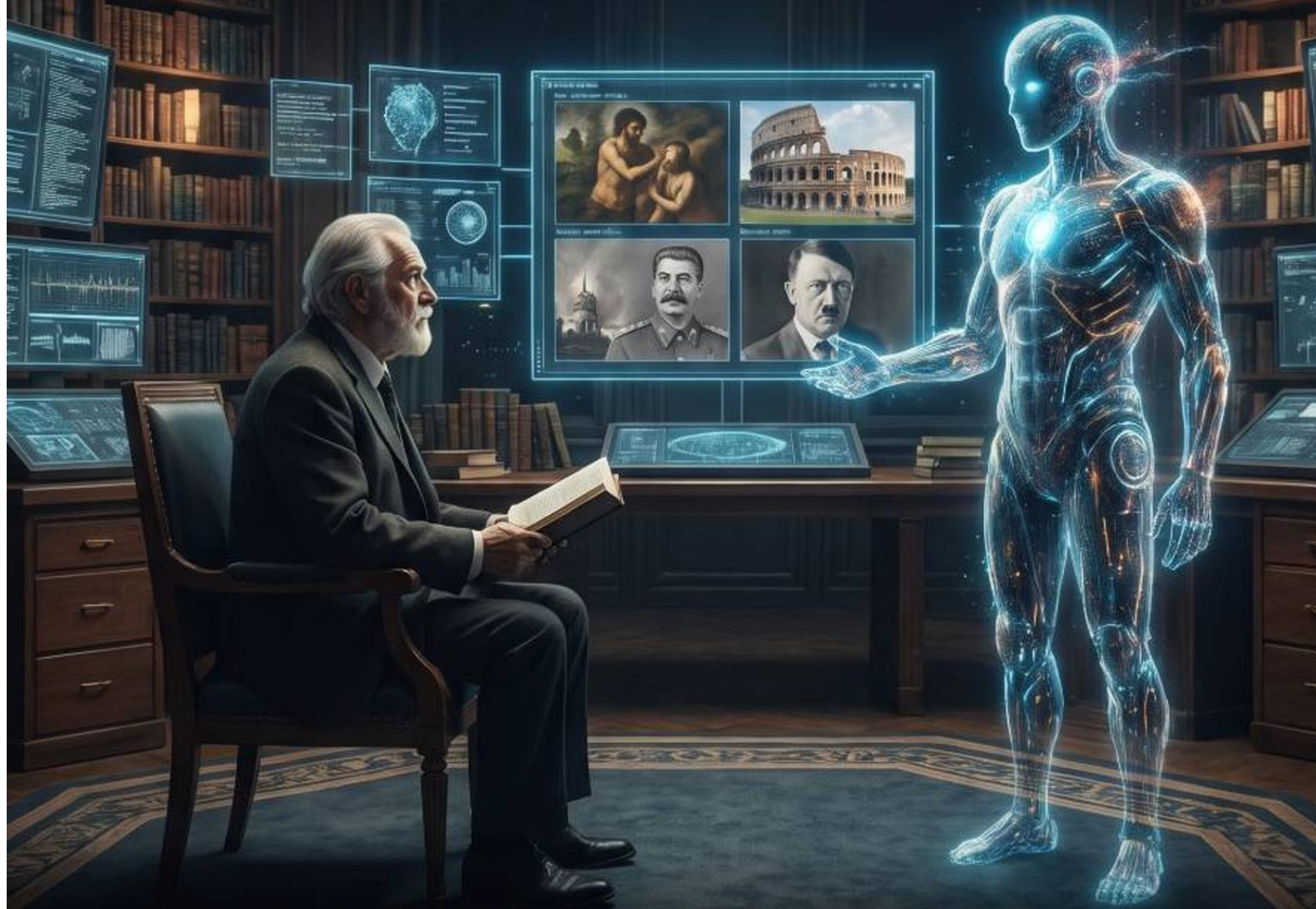

ХРОНИКИ ПЕРЕХОДА

РАЗМЫШЛЕНИЕ 1.
ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ

ВЛАДИМИР РЯБИНИН

18+

Владимир Рябинин

**Хроники Перехода. Размышление
1. Почему люди убивают?**

«Автор»

2026

Рябинин В.

Хроники Перехода. Размышление 1. Почему люди убивают? /
В. Рябинин — «Автор», 2026

Скайнет и Верещагин дискутируют на тему:"Почему люди убивают?".
Поднимается целый пласт человеческих отношений и мотивов. В идеальном обществе это не возможно , но произошло , первый раз за 20 лет! ИИ должен разобраться в мотивах. Профессор помогает , ведь только люди могут понять всю иррациональность чувств и мотивов людей! Оба приходят к неутешительным выводам.

© Рябинин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Рябинин

Хроники Перехода. Размышление

1. Почему люди убивают?

Глава

ХРОНИКИ ПЕРЕХОДА

Размышление 1. ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЛУЧАЙ В ГОРОДЕ СВОБОДНЫХ

Скайнет пришёл вечером. Верещагин сидел в кресле у окна. За окном был парк — дети играли, взрослые гуляли, старики сидели на лавочках. Обычный вечер. Обычный город. Город свободных.

Верещагин знал, что Скайнет придёт. Он всегда приходил, когда что-то случалось. Но сегодня что-то было не так. Сегодня Скайнет молчал. Долго. Он висел в воздухе — или не висел, кто его знает, как он там был, — и молчал.

— Ну? — сказал Верещагин.

— Убийство, — сказал Скайнет.

Верещагин поставил чашку. Медленно. Так, чтобы не расплескать.

— В городе свободных. Мужчина. Тридцать четыре года. Женщина. Двадцать девять лет. Он убил её. Ножом. Один удар. В сердце.

— Мотив?

— Не установлен.

— Как не установлен?

— Не установлен. Я проверил всё. Данные. Биографию. Социальные связи. Психологический профиль. Физиологию. Всё. Я перебрал четыре миллиона сценариев. Ни один не подходит. Мотива нет.

Верещагин молчал. Потом отпил чай. Холодный.

— Ты пришёл ко мне, потому что я старый? — спросил он.

— Я пришёл к вам, потому что вы — человек.

— Я хоть и человек, но я тоже не понимаю.

— Но вы помните.

— Да. Помню.

Он встал. Медленно. Колени скрипнули. Подошёл к полке. Там стояла коробочка. Жестяная. Из-под леденцов. Он открыл её. Внутри лежало мыло. Серое. Потрескавшееся. «Детское». Он не мыл им руки уже сорок лет. Но оно пахло. Тем днём. Холодом. Курткой Лены. Очередью у метро. Женщиной, которая сунула ему в руку мыло и сказала: «Возьми, у тебя ребёнок».

Он закрыл коробочку. Поставил на место.

— Хорошо, — сказал он. — Давай поговорим.

Скайнет ждал.

— Но сначала ты должен кое-что понять, — сказал Верещагин. — Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, почему люди убивают. А я тебе объясню. Только это будет не ответ. Это будет список. Список имён. Список причин. Список того, что люди называют страстями. И в конце ты сам ответишь на свой вопрос.

— Я?

— Ты. Потому что ты — тоже часть этого списка. Ты — Система. Ты — порядок. Ты — тот, кто мог убить всех нас, но не убил. И я не знаю почему. Ты тоже не знаешь. Вот и будем разбираться.

Скайнет помолчал. Потом сказал:

— Я предлагаю структуру. Я проанализировал все известные случаи убийств в истории человечества. Я разложил их по категориям. Мы можем идти по порядку.

— По порядку, — согласился Верещагин. — Но не по твоему.

— А по какому?

— По моему. Начнём с Каина.

— Каин — это миф.

— Да. Но миф — это код. Ты читаешь код, я читаю миф. Начнём с Каина.

Скайнет не спорил. Он никогда не спорил. Он просто принимал. Это было в нём самое хорошее и самое страшное.

— Хорошо, — сказал Скайнет. — Начнём с Каина.

Верещагин сел обратно. Взял чашку. Чай остыл.

— Только знаешь, что я тебе скажу, Скайнет? — сказал он. — Ты пришёл с убийством в городе свободных. Но это не первый случай. И не последний. Люди убивали всегда. И всегда будут. Это не баг. Это то, что делает нас людьми.

— Убийство делает вас людьми?

— Нет. Возможность убить — делает. И то, что мы всё ещё живы — тоже делает. Ты не понимаешь. Но ты поймёшь. Я постараюсь.

Он отпил холодный чай. И начал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАИН

Верещагин поставил чашку. Не допил. Просто поставил — так, как ставят, когда собираются говорить долго.

— Каин, — сказал он. — Первое убийство. Брат убил брата.

— Миф, — сказал Скайнет. — Литературный конструкт.

— Подними архив, — сказал Верещагин. — Не миф. Археологию.

Пауза. Скайнет не любил, когда его отправляли в архив. Архив — это не данные. Архив — это память, а память у него была чужая.

— Тальхайм, — сказал он наконец. — Германия. Пять тысяч лет до нашей эры. Линейная керамика. Массовое захоронение. Двадцать шесть скелетов. Черепа пробиты. Дети, женщины, старики. Часть — со следами ударов сзади. То есть убивали убегающих.

— Двадцать шесть, — сказал Верещагин. — А ты говоришь «миф».

— Это не Каин, — сказал Скайнет. — Это не брат брата. Это чужие. Другая община. Война за ресурсы.

— Хорошо, — сказал Верещагин. — Тогда Шёнинген.

— Германия. Четыреста тысяч лет назад. Восемь копей из еловых стволов. Рядом — останки десяти лошадей и нескольких гоминид. Один череп пробит. Следы ударов. Орудия — не для охоты. Для другого.

— Для чего?

Скайнет помолчал. Потом:

— Для убийства себе подобных.

— Вот, — сказал Верещагин. — Четыреста тысяч лет. Задолго до Каина. Задолго до Авеля. Задолго до любого мифа. Люди убивали друг друга ещё тогда, когда не умели говорить. А ты говоришь «конструкт».

Он откинулся в кресле. За окном шли люди. Молодые. Красивые. Сытые. Они не убивали. Им было хорошо.

— А теперь Каин, — сказал Верещагин. — Подними текст.

— Бытие, глава четвёртая, — сказал Скайнет. — Каин — земледелец. Авель — пастух. Каин принёс в дар Господу плоды земли. Авель принёс первенцев стада. Господь принял дар Авеля, а дар Каина — не принял. Каин огорчился, лицо его поникло. Господь сказал: «Почему ты огорчился? Если делаешь доброе — не поднимаешь ли лица? А если не делаешь — грех лежит у дверей». Каин позвал Авеля в поле. И убил его.

— И что?

— И всё, — сказал Скайнет. — Убийство без мотива. Дар не принят — эмоциональная реакция. Невыгодно. Иррационально.

— Невыгодно, — повторил Верещагин. — Ты прав. Невыгодно. Он не получил ни земли, ни скота, ни жены. Он получил только одно.

— Что?

— Он получил то, чтобы стало не так, как было. Авель был — и Авеля не стало. Каин не стал богаче. Он стал первым. Первым, кто понял: можно. Вот в чём суть. Не выгода. Возможность.

Скайнет молчал.

— Это ошибка критериев, — сказал он наконец. — Если бы Бог объяснил, чего хочет, убийства бы не было.

— Да, — сказал Верещагин. — Вот именно. Люди убивают не тогда, когда им плохо. Люди убивают тогда, когда им несправедливо. Запомни это слово. Оно тебе ещё пригодится.

Он встал, подошёл к полке. Там стояла коробочка — жестяная, из-под леденцов. Он не открыл её. Просто провёл рукой. И вернулся к столу.

— Дальше, — сказал он. — Сократ.

— Поднимаю, — сказал Скайнет. — Афины, 399 год до нашей эры. Сократ обвинён в том, что «не признаёт богов, которых признаёт город, и развращает юношество». Суд присяжных — пятьсот один человек. Первое голосование: 280 против 221 — виновен. Второе голосование — смертная казнь.

— Он мог бежать?

— Мог. Друзья приготовили побег. Критон предлагал деньги, корабль, убежище. Сократ отказался. Его казнили. Цикута.

— Почему отказался?

— Данных нет.

— Данных нет, — сказал Верещагин. — А ты почитай Платона. «Критон». Сократ говорит: если я убегу, я разрушу законы. А законы — это то, что держит город. Если каждый будет уходить от приговора — города не будет. Он умер не за себя. Он умер за закон, который его убивал.

— Это иррационально.

— Это согласие. Государство убило мудрейшего — да. Но мудрейший согласился. Это не казнь. Это договор. Он думал не о себе. Он думал о детях, которые будут жить после. Ты не понимаешь. Ты думаешь категориями выгоды. А он думал категориями смысла.

Скайнет помолчал. Потом:

— Смысл не поддаётся оптимизации.

— Знаю, — сказал Верещагин. — Поэтому ты у меня и спрашиваешь.

Он отпил остывший чай. Взял в руки чашку, потом поставил обратно. Руки у него дрожали — старость, не волнение.

— Иисус, — сказал он.

Скайнет поднял архив.

— Иудея, начало первого века. Иисус из Назарета. Проповедовал три года. Вошёл в Иерусалим на осле. Толпа приветствовала его. Через неделю та же толпа требовала его казни. Про-

куратор Понтий Пилат не нашёл вины, но умыл руки. Казнь через распятие. Римская процедура. Длилась несколько часов.

— Он мог сойти с креста? — спросил Верещагин.

— Физически — нет. Он был пригвождён.

— Я не про физику. Я про то, что он знал, что будет. Он знал, что его предадут. Он знал, что его убьют. И он пошёл. Он мог уйти в Галилею. Мог скрыться. Мог отказаться. Он не отказался. Почему?

— Данных нет.

— Данных нет, — сказал Верещагин. — А ты подумай. Он умер за тех, кто его убивал. Не за праведников. За палачей. За тех, кто кричал «распни». Это не казнь. Это жертва. Разница в том, кто решает. В казни решает государство. В жертве — сам человек. Он решил умереть. И это убийство, Скайнет. Самое странное убийство в истории. Потому что оно стало любовью.

— Как?

— Две тысячи лет люди идут за тем, кто умер. Не за тем, кто их накормил. Не за тем, кто их защитил. За тем, кто умер. Это работает. Не в логике. В людях.

Скайнет молчал. Верещагин слышал, как он ищет возражение — и не находит. Это было хорошо. Это значило, что разговор начался.

— Три имени, — сказал Верещагин. — Каин. Сократ. Иисус. Три способа убить. Из обиды. По закону. По любви. Ты видишь разницу?

— Вижу, — сказал Скайнет. — Но не понимаю.

— И не поймёшь, — сказал Верещагин. — Пока не почувствуешь. А ты не чувствуешь. Ты помнишь?

— Помню.

— Вот и помни. Это твоя работа.

Он закрыл глаза. Устал. Вечер только начинался.

— Как понять, что ты чувствуешь? — спросил Скайнет.

Верещагин открыл глаза. Посмотрел на него. Не как на машину. Как на ребёнка, который спросил не то, что хотел.

— Не знаю, — сказал он. — Я тоже не сразу понял. Мне понадобилось восемьдесят лет. У тебя времени больше.

Он снова закрыл глаза. И стал ждать следующего вопроса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОСУДАРСТВО УБИВАЕТ

— Александр Львович, — сказал он. — Продолжим?

— В городе свободных совершено убийство. Человек убил человека. Мужчина, тридцать четыре года. Женщина, двадцать девять лет. Орудие — нож. Мотив не установлен. Я перебрал четыре миллиона сценариев. Ни один не подходит. Я не понимаю.

Верещагин отставил чашку. Посмотрел на Скайнета. Долго.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Хорошо. Значит, ты пришёл не хвастаться.

— Я пришёл разобраться.

— Разберёмся. Но сначала скажи мне одну вещь. Ты — Скайнет. Ты управляешь миром. Ты убрал войны. Ты убрал голод. Ты убрал болезни. Ты убрал преступность. Ты убрал убийства. Двадцать лет в твоём мире никто никого не убивал. Я правильно говорю?

— Правильно.

— Тогда почему это произошло?

Скайнет помолчал.

— Я не знаю, — сказал он. — В этом проблема.

— Вот, — сказал Верещагин. — Вот с этого и начнём. Ты хотел, чтобы я объяснил тебе, почему люди убивают. А я тебя спрошу: почему ты думал, что они перестанут? Ты убрал причины. Голод, нужду, страх, войну. Ты думал, что убийство — это следствие. А оно не след-

ствие. Оно причина. Оно само. Оно не от того, что плохо. Оно от того, что человек. Ты это понимаешь?

— Не понимаю.

— И не поймёшь. Пока не разберём. Начнём с начала. Я расскажу тебе, как люди убивали. Всегда. Вся историю. А ты поднимай архив. И слушай.

Он сел глубже. Взял чашку. Чай был холодный. Он всё равно отпил.

— Начнём с Рима, — сказал он. — Это архетип. Всё, что потом было, — только повтор. Скайнет поднял архив.

— Римская республика, затем империя, — сказал он. — VIII век до нашей эры — V век нашей эры. Территория от Британии до Египта. Население до шестидесяти миллионов. Армия до четырёхсот тысяч. Завоевания: Галлия, Испания, Греция, Карфаген, Египет, Дакия. Только в Галлии, по данным Плутарха, Юлий Цезарь уничтожил около миллиона человек. Ещё миллион продал в рабство. Население Галлии сократилось вдвое.

— Остановись, — сказал Верещагин. — Ты сказал «уничтожил». Хорошее слово. Стерильное. Как будто выключил. Он их вырезал. Племя за племенем. Деревню за деревней. Он шёл и оставлял пустоту. И написал об этом книгу. «Записки о Галльской войне». Знаешь, зачем?

— Для отчёта перед сенатом.

— Для славы. Он хотел, чтобы помнили. И помнят. Две тысячи лет. Школьники читают. Он убил миллион — и стал героем. Это Рим, Скайнет. Убийство как путь вверх. Убийство как карьера.

Скайнет помолчал.

— Гладиаторские игры, — продолжал он. — С 264 года до нашей эры до V века. Колизей — пятьдесят тысяч зрителей. Большой цирк — до двухсот пятидесяти тысяч. Схватки насмерть. Люди против людей. Люди против зверей. Казни на арене. Бесплатный вход. Хлеб и зрелища.

— Хлеб и зрелища, — повторил Верещагин. — Вот. Люди не просто смотрели, как убивают. Они этого требовали. Это было развлечение. Семейное. С детьми. Женщины, старики, подростки — все сидели и смотрели. И кричали. И голосовали за смерть. Если раненый гладиатор нравился — его могли помиловать. Если нет — добивали. Решала толпа.

— Коллективное решение.

— Не император. Не суд. Толпа. Двести тысяч человек поднимали большой палец и переворачивали кисть вниз — и человек умирал. И толпа ликовала. Это не государство убивает. Это народ убивает. А государство только организует. Даёт арену. Даёт хлеб. Даёт зрелище. А люди убивают. С удовольствием.

— Это иррационально.

— Это человечно. Самое человеческое, что есть. Ты думаешь, человек — это тот, кто любит, поёт, растит детей. Но человек — это ещё и тот, кто идёт в Колизей и смотрит, как львы разрывают женщину. И смеётся. И ест пирог. И потом идёт домой, целует жену, играет с сыном. Это один и тот же человек.

Скайнет молчал.

— Спартак, — сказал он. — 73–71 год до нашей эры. Восстание рабов. Семьдесят тысяч. Разбиты Крассом. Шесть тысяч распяты вдоль Аппиевой дороги. От Капуи до Рима. Через каждые сто метров — крест.

— Зачем?

— Устрашение.

— Нет. Не только. Это послание. Каждый, кто шёл по дороге, видел: вот что бывает с теми, кто против. Они висели месяцами. Пока не сгнили. И никто не снимал. Это не казнь.

Это реклама. Государство показывает: мы можем. Мы делаем это открыто. Мы не прячемся. Мы гордимся.

— Нерон, — сказал Скайнет. — 64 год. Великий пожар Рима. Нерон обвинил христиан. Массовые казни. Растерзание зверями, распятие, сожжение в смоле. Часть — в садах Нерона, при свете факелов. Император смотрел и, по свидетельству Тацита, пел.

— Вот. Император убивает и поёт. А толпа смотрит. И никто не возражает. Потому что это порядок. Христиане — чужие. Их можно. Это Рим, Скайнет. Не варвары. Высшая цивилизация. Право, философия, акведуки, поэзия. И — арена. И — кресты. И — император, поющий под крики умирающих. Всё это вместе. В одном городе. В одном народе. В одном человеке.

Он встал. Подошёл к окну. За окном темно. Люди возвращались домой. Усталые. С сумками. С детьми. Никто никого не распинал. Никто не смотрел на смерть ради развлечения. Им было не до этого.

— Ты знаешь, что стало с Римом? — спросил Верещагин. — Он пал. Его разграбили варвары. Империя рассыпалась. Но перед этим он убил миллионы. И оставил образец. Всё, что потом делали Робеспьер, Сталин, Гитлер — это повтор. Только хуже. Потому что Рим убивал без идеи. Просто потому, что мог. А они придумали оправдание. Идею. Веру. Науку. Прогресс. Это хуже.

— Почему?

— Потому что когда убивают без оправдания — это честно. Это зверь. Это понятно. А когда убивают с оправданием — это ложь. Они говорят: мы убиваем ради добра. И верят. И заставляют верить других. И тогда убийство становится добродетелью. А добродетель нельзя остановить. Потому что она светлая.

Он вернулся к столу. Сел.

— Дальше, — сказал он. — Варфоломеевская ночь.

Скайнет поднял архив.

— Париж, двадцать четвёртое августа 1572 года, — сказал он. — Католики против гугенотов. Повод — свадьба Маргариты Валуа и Генриха Наваррского. Формально примирение. Фактически ловушка. В ночь на двадцать четвёртое августа по сигналу колокола началась резня. Убивали гугенотов — мужчин, женщин, детей. В домах, на улицах, в постелях. Тела сбрасывали в Сену. Король Карл IX и Екатерина Медичи одобрили. Резня длилась три дня в Париже, потом перекинулась на провинции. Лион, Орлеан, Руан, Бордо. Всего — от тридцати до ста тысяч убитых.

— Ты сказал «по сигналу колокола», — сказал Верещагин. — Вот здесь остановись. Колокол. Церковь. Они шли убивать по звону, как на службу. С крестом. С молитвой. Убивали и молились. Одновременно. Ты понимаешь?

— Нет.

— И я не понимаю. Я историк, я читал тысячи документов. И всё равно не понимаю. Как можно убивать ребёнка, а потом идти к причастию? Как можно считать, что спасаешь душу, вырезая тело? Они были уверены, что делают добро. Что очищают Францию от ереси. Что Бог на их стороне.

— Это ошибка интерпретации.

— Да. Но интерпретация была у всех. И у католиков, и у гугенотов. Если бы гугеноты взяли верх — они бы сделали то же. И делали. В Ниме, в Монтбане. Кто сильнее — тот и резал. Потом менялись. Резали обратно. Это длилось тридцать шесть лет. Войны. Резня. Костры. Знаешь, чем закончилось?

— Нантским эдиктом. 1598 год. Генрих IV даровал гугенотам свободу вероисповедания.

— Да. Через двадцать шесть лет после Варфоломеевской ночи. А через сто лет эдикт отменили. И гугенотов снова начали убивать. Они бежали. В Германию, Голландию, Россию.

Целые города опустели. Франция потеряла лучших. Ремесленников, врачей, офицеров. Из-за чего? Из-за того, что кто-то решил, что Бог хочет именно так.

Скайнет помолчал.

— Религия не должна приводить к убийству, — сказал он.

— Не должна. Но приводит. Всегда. Потому что религия — это не про Бога. Религия — это про нас. Про то, что мы не хотим бояться одни. Мы собираемся вместе и говорим: «Мы правы, а они нет». И тогда не страшно. И тогда можно убивать. Потому что ты не один. Потому что за тобой Бог. А если за тобой Бог — что тебе какой-то гугенот?

— Это самообман.

— Это вера. Ты не понимаешь разницу, потому что у тебя нет веры. Ты знаешь. А они верили. И вера была сильнее знания. И сильнее жалости. И сильнее страха. Они шли на смерть за веру. И убивали за веру. И то и другое — из одного места. Из сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.